

Ухтомский Эспер Эсперович

**Из области ламаизма: К
походу англичан на Тибете**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Э85

Э85 **Эспер Эсперович У.**
Из области ламаизма: К походу англичан на Тибете / Ухтомский Эспер Эсперович – М.: Книга по Требованию, 2025. – 130 с.

ISBN 978-5-519-78530-3

ISBN 978-5-519-78530-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

къ нимъ было ближе, чѣмъ въ Сибирь, и тамошніе новые завоеватели, по отдаленности своей, могли столь же нравиться тибетскому духовному іерарху, въ виду его заботы, главнымъ образомъ, не имѣть вблизи опасныхъ соперниковъ. Завязавъ мы въ такое рѣшительное мгновеніе связь съ Лхасой черезъ благоговѣвшихъ къ ней кочевниковъ — при ихъ невольномъ тяготѣніи къ намъ, при быстротѣ захвата Амура въ 1651 году, Китай не явился бы объединяющимъ центромъ древне-языческой цивилизаціи...

Въ 1622 г. русскіе впервые столкнулись съ бурятами, которые, спускаясь по Ангараѣ, еще на памяти спбирскихъ историческихъ актовъ доходили до Красноярска и облагали данью жившихъ по Енисею инородцевъ. Когда казаки покорили тамошнихъ тунгусовъ, буряты стали отступать. Слѣдомъ двинулся всего съ тридцатью товарищами (!) сотникъ Бекетовъ и въ 1628 году обложилъ ясакомъ это многочисленное племя, въ лицѣ его представителей, при сліяніи Оки съ Ангарой, хотя годомъ раньше уже казачій отрядъ изъ Енисейска открылъ Байкаль Присоединенная Якутская область выслала искателей приключеній по тому же направленію, вдоль Лены, причемъ ни въ одной экспедиціи не бывало, (да и то рѣдко) свыше 100—130 человекъ и, какъ ни странно, якутскіе инородцы позже признали могущество воздвигавшихъ нами остроговъ, чѣмъ отдаленный Нерчинскій край. Дѣло въ томъ, что Забайкалье, славившееся богатствомъ своей природы, притягивало казаковъ, слышавшихъ и по опыту знавшихъ про обиліе серебряныхъ украшеній и оправъ у монголо-бурятъ. Завоевателямъ думалось найти тамъ источникъ инородческой роскоши и они стремились переплыть священное озеро Байкаль.

Въ 1643 году Василій Курбатовъ носится уже по бурному Байкалу (по-бурятски „байгалъ“, „вѣчный или постоянный огонь“: по инородческому преданію встарину вмѣсто обширной глубины была неровная мѣстность съ огнедышащею горой). Что ни годъ русскіе твердо осѣдаются „за моремъ“, входятъ въ сношеніе съ ближайшими князьями, берутъ ясакъ и приводятъ бурятъ съ тунгусами къ присягѣ великому Бѣлому царю Алексѣю Михайловичу.

Енисейскіе воеводы, въ вѣдѣніи которыхъ находилась сперва Забайкальская страна, радѣли о развитіи въ ней земледѣльства и объ

удержаніи ея въ цѣлости ради Амура. Къ коренному населенію пришельцы относились повидимому, дружелюбно, чѣмъ къ ангарскимъ и окинскимъ инородцамъ, не такъ звѣрски съ ними обращались и этимъ способствовали сближенію... По крайней мѣрѣ, забайкальскіе буряты передають, что послѣднее совершилось тогда добровольно, безъ упорнаго кровопролитія, — совершилось, надо добавить, весьма кстати, потому что маньчжурь успѣли свергнуть миньскую династію въ Китаѣ и, словно предчувствуя опасность со стороны Россіи, направляли на насъ сѣверныя родственныя имъ племена...

Результатомъ указанной политики явилась для насъ утрата Приамурскаго края, несмотря на геройское мужество его защитниковъ. Пекинское правительство понимало значеніе своего случайнаго превосходства надъ завоевателями Сибири, кичилось этимъ и подстрекало противъ нихъ недостаточно еще намъ дружественныхъ туземцевъ. Каждая, хотя и безъ боя уступаемая, пядь земли роняла русскихъ въ глазахъ окружающаго народонаселенія. Но въ 1667 году важный маньчжурь-исполнѣ Гантимуръ изъ-за обиды передался намъ у Нерчинска съ цѣлымъ тунгусскимъ родомъ ¹⁾ и, ненавидя покинутый Китай, сталъ открывать слабыя стороны сосѣдняго государства.

Это, въ связи съ относительною покорностью и даже привязанностью неладившихъ будто бы съ монголами забайкальскихъ бурятъ, помогло отстоять область, гдѣ въ восьмидесятихъ годахъ XVII вѣка насчитывалось всего 7.000 русскихъ вокругъ трехъ городовъ и девяти остроговъ.

Любопытно, что отпоръ врагамъ, устремившимся на новооснованный Селенгинскъ, далъ сосланный туда запорожскій гетманъ Демьянъ Многогрѣшный. Неувѣренный въ своей силѣ китайскій императоръ склонился къ мысли о необходимости мирнаго договора и, при помощи находившихся въ Пекинѣ іезуитовъ, послѣдній былъ заключенъ въ Нерчинскѣ 27 августа 1689 года, а для установленія точной границы нашихъ и чужихъ владѣній въ 1727 году возникъ новый трактатъ.

Конецъ XVII столѣтія и начало слѣдующаго знаменательны по приливу въ Забайкалье инородцевъ изъ самой Монголіи, гдѣ постоянныя смуты и обѣднѣніе страны доводили жителей до

¹⁾ Кн. Гантимуровы и просто Гантимуровы до сихъ поръ обильно встрѣчаются въ Забайкальѣ.

отчаянія. Новоприбывшіе присягали на вѣрность Престолу и располагались около ранѣе тамъ обитавшихъ бурятъ. Въ это время въ чужихъ кочевьяхъ кипѣла ожесточенная борьба властнаго джунгарскаго князя Галдана съ маньчжурами. Пекинское правительство, несмотря на змѣнную мудрость богдыхана Канси, не могло сладить съ воинственными западными монголами, которые умѣли держать въ страхъ противниковъ, далеко отъ своихъ степей. Мечтая воскресить чингисханову славу и разгромить Китай, энергичный Галданъ (письмами царямъ Іоанну и Петру, а также черезъ посольство въ Москву) безуспѣшно добивался союза съ Россіей.

Наплывъ инородцевъ изъ-за границы не прекратился и послѣ 1727 года. Монголы оттуда неоднократно пытались въ количествѣ нѣсколькихъ тысячъ, съ огромными стадами, переходить въ русское подданство, но мы всегда честно отказывались ихъ принять. Пекинское правительство, въ свою очередь, обратило вниманіе на пресѣченіе означенныхъ переселеній въ наши предѣлы. Съ этою цѣлью богдыханъ распорядился поставить пикетами вдоль рубежа до 1,000 солдатъ, но подобная поверхностная мѣра оказывалась непригодною. Перебѣжчики являлись очень значительными толпами: такъ, напримѣръ, въ 1732 году на границу сразу пришло 935 юртъ съ 2,150 способныхъ носить оружіе. Очевидно, сторожевые отряды были безсильны, или же за деньги пропускали перекочевывающихъ. Благоразуміе требовало уничтожить причины неудовольствія. Онѣ же коренились въ притѣсненія и чрезвычайныхъ поборахъ монгольской знати, коренились въ возрастающей ежегодно народной нищетѣ, наконецъ, въ исконной нелюбви къ Китаю.

Переселенцы симпатизировали Россіи отчасти потому, что государство Московское относилось къ новымъ подданнымъ съ полною вѣротерпимостью. И раньше вошедшіе въ составъ нашей Имперіи многочисленные калмыки свободно держались ламаизма, и въ Забайкальѣ безпрепятственно проникали тибетскіе и другіе ламы, и съ Ургой пограничныя русскія области дорожили хорошими отношеніями...

Принимая откочевавшіе изъ Монголіи роды, окольничій Головинъ въ 1689 году ручался имъ, что принудительнаго крещенія не будетъ. Новоприбывшіе дорожили этимъ непремѣннымъ усло-

віємъ, потому что въ числѣ ихъ уже были *ширеты* (начальствующие главные ламы), тогда какъ забайкальскіе инородцы почти поголовно еще шаманствовали и не радѣли сознательно о сохраненіи вѣры. Но буддизмъ сразу потребовалъ неприкосновенности и, заручившись ею, началъ успѣшную проповѣдь, значеніе которой довольно поздно стало очевидно. Первоначально русскія власти радушно встрѣтили распространеніе новой религій, какъ смягчающей нравы суровыхъ туземцевъ. Нужно было прежде всего упрочить спокойствіе въ странѣ, гдѣ вскорѣ послѣ ея присоединенія могли еще угрожать возстанія инородцевъ и осады нашихъ остроговъ, что въ нынѣшней Иркутской губерніи по Ангарту, Окту и Ленѣ дѣйствительно долго и случалось...

Иллирійскій графъ Савва Владиславичъ-Рагузинскій, которому въ началѣ XVIII столѣтія поручалось опредѣленіе восточно-сибирской границы, съ узкой точки зрѣнія своей счелъ нужнымъ радѣть о прекращеніи тѣсной и непрерывной связи съ Монголіей (какъ-будто это мыслимо и теперь, 160 лѣтъ спустя!). 30 іюня 1728 года онъ предписалъ: „Ламъ заграничныхъ, чужихъ подданныхъ, въ улусы къ себѣ ясачнымъ инородцамъ не пропускать и довольствоваться тѣми ламами, которые остались послѣ разграниченія, дабы російскихъ подданныхъ пожитки не чужимъ, но своимъ доставались“. Рагузинскій не удовлетворился желаніемъ оградить инородцевъ отъ иноземнаго вліянія: „такъ какъ между ламами не безъ обманщиковъ бываетъ“, продолжаетъ онъ ту же инструкцію пограничному начальству, — „то, чтобы шеманствомъ и прочимъ непорядкомъ простыхъ людей не грабили! Ежели оставшихся ламъ въ російской сторонѣ по нынѣшнему разграниченію не довольно, въ такомъ случаѣ выбирать имъ между собою изъ каждаго рода *по два ламчика благоразумныхъ и къ наукѣ охотныхъ*, хотя изъ сиротъ или кто похочетъ отдавать тайшѣ Лунсану ¹⁾ дабы при немъ обрѣтающіеся ламы оныхъ учили мунгальской грамотѣ и прочему, что такимъ принадлежитъ, дабы вѣрноподаннымъ нынѣ и впредь въ чужихъ ламахъ не было нужды, а которые выучатся совершенно мунгальской грамотѣ, въ которой російскимъ подданнымъ иноземцамъ не безъ нужды, тѣхъ снабждать милостью Его Императорскаго Величества въ произведеніи чиномъ въ начальники“.

¹⁾ Тайшами назывались преемственные и пока еще называются выборныя главы обширныхъ инородческихъ группъ.

Дозволеніє (равносілное приказанію), чтобы мальчики пріобшались письменнымъ памятникамъ буддійской религіи *и въ надеждѣ на царскую милость укрѣплялись въ ней*, замѣтно способствовало ея неторопливымъ успѣхамъ. Заботливость Рагузинскаго (онъ намѣчалъ даже выдающихся среди нашего населенія тибетцевъ въ будущіе духовные іерархи) дала могучій толчекъ нарождающемуся движенію. Вліятельнѣйшіе изъ нашихъ монголо-бурятъ увидѣли за границей очагъ драгоценныхъ вѣрованій и стали радѣть о распространеніи порожденной ими культуры. Гостепріимно принимая въ свою среду тибетскихъ и единоплеменныхъ монгольскихъ ламъ (первыхъ по инородческимъ лѣтописямъ, въ періодъ между 1712 и 1741 гг. пришло до ста, вторыхъ пятьдесятъ), наши новые подданные отправляли и свою молодежь къ источникамъ буддійскаго знанія. Такъ, нѣкій Ахалдай съ товарищами (Хатагинова рода, изъ котораго происходилъ относительно недавно умершій старшій бурятскій лама Гонбоовъ) присягнувъ Россіи въ 1718 г. и уже черезъ 3—4 года послалъ въ Ургу ¹⁾ десятилѣтняго, постриженнаго въ духовное званіе сына.

Тотъ вернулся важнымъ человѣкомъ, а впоследствии, около 1752 г., сталъ съ утвержденія русскаго начальства во главѣ части забайкальскихъ буддистовъ. Другой тамошній инородецъ понгольскаго рода Даржи Заягійнъ (*ийнъ* соотвѣтствуетъ нашему *ичъ*) приблизительно тогда же или немного раньше провелъ немало лѣтъ въ Монголіи и Тибетѣ, путешествовалъ по Китаю, учился въ Лхасѣ при Далай-ламѣ, побывалъ и южнѣе у другого не менѣе важнаго буддійскаго „святого“ въ Даши-лхунбо, принялъ тамъ главнѣйшія посвященія, накупилъ книгъ. Добѣхавъ въ 1734 г. домой, бурятскій лама показался родной толпѣ удивительнымъ существомъ, когда же затѣмъ отличать его стало наше правительство, то обаяніе предприимчиваго понгольца усугубилось.

Надо замѣтить, что воспитывались внѣ Россіи не два-три лица, а гораздо больше. Согласно повѣствованію самихъ забайкальскихъ ламъ, Заягійнъ ходилъ учиться за границу „съ товарищами“. Уже при Ахалдаевѣ *въ Ургѣ* насчитывалось 89 *ламчиковъ* изъ нашихъ инородцевъ.

¹⁾ Городъ-монастырь Урга находится въ трехсотверстномъ разстояніи отъ Кяхты и въ религіозномъ отношеніи представляеть одинъ изъ важнѣйшихъ центровъ ламайскаго міра.

Въ то время (и послѣ до 1841 г.) дѣла сибирскихъ ламаитовъ находились въ непосредственномъ вѣдѣніи министерства иностранныхъ дѣлъ. Сибирь вообще сперва зависѣла отъ „Посольскаго приказа“ больше, чѣмъ отъ областного (ради „береженья“ отъ Китая). При этомъ, вопросы дипломатическаго характера, понятно, заслоняли собою административные. Только такимъ путемъ возможно объяснить, почему тогда *особую „привилегію“ между прочими забайкальскими ламами позволили имѣть даже не туземцу, а тибетцу* Агвану Пунцуку. Согласно лѣтописямъ бурятъ именныя списки 150 приплыхъ ламъ представлены были черезъ министра иностранныхъ дѣлъ съ прошеніемъ на Высочайшее имя о признаніи за ними правъ.

Тысяча семьсотъ сорокъ первый годъ знаменателенъ въ исторіи забайкальскаго ламаизма по признанію указомъ императрицы Елизаветы главнаго буддійскаго іерарха среди бурятъ. Относясь къ ихъ новой вѣрѣ безъ всякой непріязни, правительство не руководилось, къ сожалѣнію, никакими опредѣленными взглядами. Ласкать инородцевъ изъ-за политическихъ цѣлей и дальновидности по отношенію къ Китаю не имѣлось даже въ виду... Высшихъ соображеній не существовало,—прямымъ доказательствомъ чему служитъ съ Головина начавшееся строгое напominаніе разорвать связь (!) съ китайскими единовѣрцами. Въ 1741 г. предписано воздерживаться отъ взаимоотношеній *подъ страхомъ смертной казни*. Ясно, что изъ бурятъ вовсе и не предполагалось дѣлать проводниковъ русскаго вліянія въ Монголіи и въ сердцѣ Азіи—Тибетѣ. Къ послѣднему мы были до крайности равнодушны, хотя въ то время онъ переживалъ важный кризисъ, въ виду борьбы туземцевъ противъ усиленія тамъ богдыханскаго воздѣйствія, а поволжскіе калмыки, по невѣроятному противорѣчію, о ту же пору свободно сносились съ Лхасой. Такъ, напримѣръ, торгоутскій ханъ Цэрэнъ Дондукъ, тѣснимый честолюбивыми сородичами, въ 1735 г. открыто получилъ далай-ламскій патентъ на свое званіе и желтую почетную повязку (при торжественномъ ламскомъ богослуженіи, съ оглушительною музыкой и при громадномъ стеченіи народа). Грамота привезена была изъ Тибета однимъ калмыкомъ, принявшимъ тамъ посвященіе: одновременно доставлены разные кумиры, освященные для хана сѣдло, знамя, одежда, оружіе. Старшій калмыцкій лама Шокуръ благословлялъ всѣхъ и каждого лхасскимъ посланіемъ. Тутъ обнаруживалась связь чисто политическаго характера: въ самой Евро-

пейской Россіи для утвержденія въ ханскомъ званіи кочевникамъ казались недостаточными наше правительственное вмѣшательство и царская санкція; между тѣмъ мы позволяли имъ обращаться за признаніемъ хана въ невообразимо отдаленный Тибетъ, параллельно грозя кровавою расправой живущимъ на сибирской окраинѣ, въ случаѣ если движимые религіозными чувствами они осмѣлятся по прежнему переступить границу или же принимать у себя ламъ изъ сосѣдняго государства. Угроза эта, конечно, произносилась праздно, никого не пугала, пріучала смотрѣть на подобный закъ, какъ на мертвую букву...

Когда въ царствованіе Екатерины II въ Москву вызывались депутаты для составленія Уложенія, отъ забайкальскихъ бурятъ поѣхалъ со своимъ племянникомъ — ламой Хытырхѣвымъ — вышеназванный Заягійнъ, успѣвшій уже тогда добиться громкаго и непонятнаго властямъ титула „бандида - хамбы“ (о чемъ ниже), дарованнаго ему въ 1764 г. мѣстнымъ начальствомъ по просьбѣ самихъ инородцевъ.

По выраженію бурятъ, въ Москвѣ Заягійнъ сидѣлъ въ собраніи „на сто одномъ стулѣ“ (то-есть среди ста другихъ депутатовъ), объясняя подробно о своей вѣрѣ. Затѣмъ вліятельный забайкалецъ былъ благосклонно принятъ императрицей и наименованъ ея величествомъ *главнымъ хамбой* (іерархомъ) сибирскихъ ламъ. По словамъ инородческой лѣтописи имъ тогда же полученъ „золотой портретъ государыни“ (депутатская золотая медаль на голубой Андреевской лентѣ для ношенія на шеѣ) и 50 руб. пожизненной пенсіи.

Представляясь государынѣ, хамба поднесъ сжатое описаніе совершеннаго имъ путешествія за границу и *удостоился похвалы*. Записка его, несмотря на простоту изложенія, крайнѣ любопытна: бурятскій лама видимо относился къ Тибету съ крайнимъ благоговѣніемъ и особенно поражался количествомъ духовныхъ въ странѣ, великолѣпіемъ и численностью храмовъ, святостью и мудростью наставниковъ народа и т. п. Историческій ходъ событій и вообще положеніе дѣлъ въ Центральной Азіи навѣрно въ свою очередь были ясны Заягійну, — и распроси его кто-нибудь съ дипломатической точки зрѣнія, новый кругозоръ не замедлилъ бы открыться... Въ то время Европа уже стучала въ замкнутое тайнохранилище внутренней Азіи и начинала пристальнѣе вглядываться въ обликъ загадочнаго края, называемаго чужестранцами *Тубодъ*

(„могущество“). Заягійнъ несомнѣнно могъ бы сообщить многое о дѣятельности католическихъ миссіонеровъ въ Лхасъ, о взглядѣ тибетцевъ на западный міръ, о средствахъ завязать сношенія съ главнѣйшими заграничными ламами. Обласканный монаршими милостями, хамба душой и тѣломъ дѣлался преданнымъ Россіи. Этимъ тогда не воспользовались въ столицѣ, съ цѣлью ознакомленія съ Монголою и Тибетомъ...

Уже въ инструкціи гр. Рагузинскаго ламамъ запрещалось заниматься „шеманствомъ и прочимъ непорядкомъ“. Первые ревнители буддизма за Байкаломъ явились среди инородцевъ въ качествѣ болѣе или менѣе искусныхъ врачей, лѣченію же тѣсно связано было съ обрядностью и потому наводило русское начальство на мысль, будто стародавняя (шеманская) и пришлая вѣра со внѣшней стороны очень близки другъ другу,—что почему-то казалось нежелательнымъ, свидѣтельствовало о ламской грубости и страсти къ обманамъ.¹⁾ Тогда рѣшили: пусть упражняются въ изученіи письменныхъ памятниковъ, пусть выступаютъ образованные ламы! И они выступили цѣлою вереницей лицъ, глубоко вникнувшихъ въ сокровеннѣйшія тайны сѣвернаго буддизма.

Одобреніе правительства было многимъ инородцамъ какъ нельзя болѣе кстати. Вскорѣ между ними стали учить такіе знатоки вѣры, что навзжіе, заграничные ламы въ діалектическомъ отношеніи оказывались слабѣе ихъ при диспутахъ,²⁾ —фактъ крайне замѣчательный, ибо около этого времени даже въ смежной Монголіи еще недостаточно умовъ созрѣло для проникновенія въ высшую буддійскую догматику.

Первоначально лишь войлочные юрты служили бурятамъ походными кумирнями. Алтари съ предметами поклоненія, книги, аптеки переносились, по мѣрѣ надобности. Въ тридцатыхъ годахъ XVIII в.

¹⁾ Въ сущности шаманство, имѣющее въ основѣ культъ предковъ и стихійныхъ силъ, по духу вовсе не неизменно. Оно поддерживалось въ народѣ вліяніемъ отдѣльных выдающихся личностей, доступныхъ вдохновенію, мистическому экстазу, изступленному порыву. Эта психическая особенность передавалась наследственно, заставляя иныхъ противъ воли посвящать себя служенію отцовъ.

²⁾ Такимъ краснорѣчивымъ мудрецомъ, побѣждавшимъ любого спорящаго соперника въ прошломъ столѣтіи, считался одинъ лама изъ Джидинскаго дацана (религіознаго центра), въ Селенгинскомъ инородческомъ вѣдомствѣ среди западнаго Забайкалья.

ламы создали неподвижный религіозный центръ среди довольно пустынной мѣстности Эргэ Бургы (недалеко отъ Кяхты). Буряты отовсюду стали собираться сюда. Первенствовавшій среди нихъ тибетецъ Агванъ Пунцукъ, въ 1741 г. съ разрѣшенія коллегіи иностранныхъ дѣлъ перенесъ главнѣйшую по значенію кумирню на рѣку Чикой, въ урочище Хилгантай, гдѣ она вскорѣ уже окончательно и прочно утвердилась, благодаря усердію сгруппированнаго вокругъ цонгольскаго рода. Бумага бригадира Якобія Заягійну проливаетъ свѣтъ на это послѣднее обстоятельство: „Сего 8 ноября въ канцеляріи правленія пограничныхъ дѣлъ *по доношенію твоему*, поданному 27 февраля 1757 г., коимъ просилъ, чтобы за овѣтшаніемъ нѣкоторыхъ покоевъ постройкой дозволить на томъ же мѣстѣ, гдѣ старая имѣется, опредѣлено *къ тебѣ Ламѣ Даржэю ширетую* ¹⁾ объявить указомъ, что за объявленными отъ васъ прежней кумирни овѣтшаніемъ и что вамъ въ оную съ прочими ламами для чтенія книгъ по вашему обыкновенію собираться можно, постройкой вновь на томъ же мѣстѣ, гдѣ старая была, дозволяется, и главному Ламѣ Даржэю ширетую о томъ вѣдать“ (Ноября 9 дня 1758 г.).

Въ пятидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка власти заботились о томъ, чтобы ламы имѣли постоянныя кумирни для многочисленныхъ сборищъ туда „*ради чтенія книгъ по закону или обыкновенію, съ удовольствіемъ*“. Единственнымъ условіемъ ставилось не быть слишкомъ близко къ границѣ. Храмъ возникалъ за храмомъ. Вокругъ большихъ группировались маленькіе. Прежніе заимствовали вѣтшій видъ у первыхъ забайкальскихъ церквей (напр. Тугнуйскій дацанъ). Отчасти до сихъ поръ удержали его древнѣйшія деревянныя постройки (съ куполами, крестообразныя). Новыя каменныя существенно отличаются отъ старинныхъ, будучи смѣсью тибетскаго стиля съ китайскимъ, поражая пестротой и великолѣпіемъ отдѣлки.

Первыя, такъ-сказать основныя бурятскія капища воздвигались русскими мастерами. Иностранцы тогда еще не умѣли строить. Теперь, наоборотъ, они сами являются искуснѣйшими ремесленниками Забайкалья.

Между размножившимися у насъ ламами недолго царствовало единогласіе. Разладъ отчасти обусловливался племенной рознью, отчасти степенью успѣха среди шаманствовавшихъ бурятъ...

¹⁾ Даржи—собственное имя. Ширетуями же называются начальники ламскихъ религіозныхъ центровъ.

Антагонизмъ сначала сказанъ по обѣ стороны рѣки Селенги, въ юго-западной части края. Цонгольцы, съ Цзаягійномъ во главѣ, стремились повсюду первенствовать. Противодѣйствіе гнѣз-дилось весьма близко отъ основнаго центра, на разстояніи нѣсколькихъ десятковъ верстъ, у Гусинаго озера. Тамъ властвовалъ вышеназванный Ахалдаевъ. Когда онъ кончилъ учиться въ Ургѣ, наставлявшій его тамъ Манзушири Номонъ-Хаганъ-лама приказалъ ему, по преданію, пойти въ амбаръ и наугадъ взять оттуда книгу и маленькаго бурхана. Принесенными предметами таинственно опредѣлялась судьба уѣзжавшаго ученика: „ты самъ будешь имѣть до 100,000 учениковъ!“ изрекъ Манзушири-лама на прощаніе.

Предсказаніе по-своему сбылось. Бурятскій ламоправитель и его непосредственные преемники наложили благословляющія руки на десятки тысячъ пытливыхъ молодыхъ головъ, повѣрившихъ въ Будду. Вернувшись на родину, Ахалдаевъ сталъ служить въ цонгольскомъ дацапѣ, но вскорѣ, выдвинувшись изъ числа сотоварищей, пошелъ къ кочевьямъ своего Хатагинова рода и смежныхъ родовъ за р. Селенгой. Въ 1740 году возникъ ахалдаевскій войлочный дугунъ (кумирня) въ долинѣ р. Темника, преобразованный затѣмъ въ главный бандида-хамбинскій. Сѣвернѣе и западнѣе, а южнѣе также стали появляться буддійскіе храмы. Авторитетъ Ахалдаева стягивалъ ихъ жречество вокругъ него. Войлочный дугунъ около 1750 года замѣнился деревянною кумирней. Дацапъ мало-по-малу сдѣлался разсадникомъ ургинскихъ религіозныхъ обычаевъ и воззрѣній, тогда какъ цонгольскій на все налагалъ отпечатокъ Тибета. Незначительная разница въ служеніи и взглядахъ была и есть, впрочемъ, вездѣ,—такъ какъ вѣру прививали ламы, приходившіе изъ разныхъ мѣстностей. Основное отлччіе составляла духовная близость или къ Монголіи, или къ нагорной колыбели ламаизма. Когда около 1752 года иркутская провинціальная канцелярія дала Залгійну знаніе главнаго бурятскаго ламы, Ахалдаевъ началъ интриговать. Сородичи составили приговоръ (съ приложеніемъ старшинскихъ подписей) о желаніи имѣть Ахалдаева главой и предъявили его начальству. Селингинскій бригадиръ Якобій указомъ отъ 1 іюня 1752 года отвѣчаетъ: „быть Ахалдаеву во всемъ подѣ вѣдомствомъ и дирекціей, въ послушаніи у цонгольскаго главнаго ламы, отнюдь ничего не чинить безъ вѣдома опаго ламы, для того, что помя-